

PLAUT. PSEUD. 109: НЕЗАМЕЧЕННАЯ ГРЕЧЕСКАЯ ПОГОВОРКА?

В первой, экспозиционной сцене комедии Плавта *Псевдол* ее герой-эпоним ободряет хозяина: тот, если не достанет до завтра двадцати мин, рискует навсегда потерять возлюбленную – и, как полагается влюбленному юноше новой комедии, предсказуемым образом раскикает. У *Псевдола* еще нет никакого плана спасения (его не будет на протяжении большей части пьесы, пока решение не подскажет счастливый случай), но он, тем не менее, твердо уверен в своей способности благополучно выпутать хозяина из беды. Истоки этой удивительной убежденности связаны, во-первых, с успехом его предыдущих проделок, во-вторых, с комической ссылкой на добрую примету (подергивание в глазу), а более всего – с тем, что *Псевдол*, похоже, прекрасно осознает: ему, рабу, полагается быть в пьесе мотором интриги, а значит, беспокоиться не о чем, автор обязательно что-нибудь придумает. Рассмотрим пристальнее стт. 103–110:

Ps. <...> Verum ego te amantem, ne pave, non deseram.
Spero alicunde hodie me bona opera aut hac mea
tibi inventurum esse auxilium argentarium.

Atque id futurum unde unde dicam nescio,
nisi quia futurum est: ita supercilium salit.

Cal. Utinam quae dicis dictis facta suppetant!

Ps. Scis tu quidem hercle, mea si commovi sacra,
quo pacto et quantas soleam turbellas dare.

Традиционное понимание слов *mea si commovi sacra* (ст. 109) определила расширенная версия комментария Сервия к *Aen.* IV, 301. В этом месте поэмы, где речь идет о метаниях обезумевшей от любви и обиды Диодоны, Вергилий развивает знаменитое гомеровское сравнение Андромахи с менадой (*Il.* XX, 460): “Saevit inops animi totamque incensa per urbem / bacchatur, qualis commotis excita sacris / Thyias, ubi audito stimulant trieterica Baccho / orgia nocturnusque vocat clamore Cithaeron”. Сервius аuctus поясняет:

Commotis excita sacris verbo antiquo usum tradunt; moveri enim sacra dicebantur, cum sollemnibus diebus aperiebantur templa instaurandi sacrificii causa: cuius rei Plautus in *Pseudolo* meminit (цитируются, с исказениями, стт. 109–110 комедии). Hoc vulgo apertiones appellant.

Хотя, как указал в иной связи Э. Норден, такое техническое значение (*com*)*move*re надежно подкрепляется примерами,¹ уместность эрудиции Девтеро-Сервия применительно к пассажу *Энеиды* вызвала сомнения у Роланда Остина. Взвесив обе возможности, Остин предпочел видеть в *commotis* не термин из области религиозной практики, но еще одну лексическую деталь, подчеркивающую *буйство* менады: “either the “rites” in the abstract, or, more probably, the actual “symbols” or emblems of the god, brandished in ecstasy”.² Разбирать этот вопрос в настоящей заметке не место; для нас будет важна сама альтернатива, отчетливо сформулированная Остином: либо *Servius auctus* прав и Вергилий прибегнул здесь к “инстаурационной” идиоме (“при начале священнодействий”), либо выражение *commotis sacris* употреблено поэтом не в техническом смысле и проясняется только контекстом (“потрясая священной утварью”).

Иначе обстоит дело у толкователей *Псевдоля*. Следуя по пути, указанному еще Ламбеном (1576), большинство из них смешивают две эти интерпретации и трактуют плавтовский пассаж на основании как свидетельства Девтеро-Сервия, так и параллельного места *Энеиды* с его дионисийским антуражем. Опасности такого смешения демонстрирует комментарий А. Лоренца. Объясняя метафору *Псевдоля*, Лоренц рисует картину буйного вакхического шествия, участники которого расхватывают священную утварь и несут ее, беспорядочно колыхая; при этом выражение *commovere sacra* оценивается как “ein dem Bakchosdienste entnommener Ausdruck”.³ Между тем в пассаже из Девтеро-Сервия (удостоверяющем идиоматичность сочетания *commovere sacra*) о культе Вакха не говорится ничего: *sacra* является аккузативом внутреннего объекта, а *commovere* предполагает *начало священнодействия*, притом любого. То же находим у А. Эрну: он снабжает слова *Псевдоля* переводом “quand je mets en branle mes utensiles de sacrifice”, и в то же время в примечании характеризует *commovere sacra* как “expression rituelle tombée en langue courante”.⁴ В сходном духе, хотя и с примечательной осторожностью, толковал наше место

¹ E. Norden. *Agnostos Theos: Untersuchungen zur Formengeschichte religiöser Rede* (Stuttgart 1956) 148–149 Anm. 2.

² R. G. Austin (ed., comm.). *P. Vergili Maronis Aeneidos liber quartus* (Oxford 1955) 97. Cp. ранее у Т. Э. Пейджа: “by the stirring (waving?) of the sacred emblems” (T. E. Page [ed., comm.]. *The Aeneid of Virgil: Books I–VI* [London 1894] 368), а позднее – у Р. Д. Уильямса (R. D. Williams [ed., comm.]. *The Aeneid of Virgil: Books I–6* [Glasgow 1972] 359): “by the brandishing of the sacred emblems”.

³ A. O. Fr. Lorenz (hg., erkl.). *Ausgewählte Komödien des T. Maccius Plautus IV: Pseudolus* (Berlin 1876) 87.

⁴ A. Ernout (éd., trad., comm.). *Plaute VI: Pseudolus – Rudens – Stichus* (Paris 1938) 22 et n. 1.

Я. М. Боровский: “*Commo vi sacra* – шутливая метафора, имеющая опору в представлении о священнодействиях, связанных с бурными движениями, например, в культе Вакха (сотрясание тирса и т. п.). Ср. Verg. *Aen.* IV, 301” (курсив наш).⁵

Против “вакхической” интерпретации можно, как кажется, выдвинуть еще одно возражение. Общий смысл слов Псевдола ясен: “когда я начинаю действовать, приводить в исполнение свои хитроумные планы”. На протяжении пьесы герой неоднократно говорит о своих проделках метафорически, чаще всего в терминах военного искусства (напр., 384: *hoc ego oppidum admoenire ut hodie capiatur volo*; 1317: *vae victis*; и мн. др.)⁶ или охоты; качества, необходимые для осуществления этих проделок, перечислены в ст. 385: *ad eam rem usus hominem astutum, doctum, cautum et callidum*. Ни один из этих эпитетов не применим к распорядителю вакханалий: сравнение с буйствующей менадой, которое начиная с Гомера используется для иллюстрации смятенного, бессознательного состояния, едва ли подходит к обстоятельствам, когда необходима холодная голова и мгновенная реакция.⁷

Напротив, М. Уилкок предпочитает принимать объяснение Девтеро-Сервия целиком, возвращаясь к аккузативу внутреннего объекта: Псевдол, использующий обобщенный “technical term”, говорит о *начале* собственных священнодействий.⁸ Отказ от вакхических коннотаций оказывается, однако, небезболезненным: в самом деле, большинство культовых церемоний не только не предполагают каких бы то ни было *turbellae*, но, напротив, решительно избегают и прямо боятся их.⁹

В силу этих причин мы хотели бы предложить иное понимание слов *mea si commovi sacra*, привлекая для их объяснения греческую поговорку *τὸν (τὴν) ἀφ' ἱερᾶς κινεῖν* (“сделать ход от священной

⁵ Т. Маккий Плавт. Псевдол: Комментарий (1975) // Я. М. Боровский. *Opera philologica*. Изд. подгот. А. К. Гаврилов и др. (СПб. 2009) 513.

⁶ На наш взгляд, симптоматично, что А. Эрну (прим. 4) помимо буквально-го перевода пассажа дал и литературный, в котором подыскал для слов *mea si commovi sacra* другую метафору, более соответствующую ситуации: “quand je me mets en campagne”.

⁷ Слова *turbellas dare* в ст. 110 относится к суматохе в стане противников; полководец, сеющий ее, сам должен оставаться хладнокровным и сохранять контроль над происходящим.

⁸ M. M. Willcock (ed.). *Plautus. Pseudolus* (Bristol 1987) 101.

⁹ Дж. Петроне видит в словах Псевдола пародийный намек на экстатический оракул сивиллы, вспоминая и о буйствующей Кассандре (G. Petrone. *Teatro antico e inganno: Fizioni plautine* [Palermo 1983] 65–66); однако в стт. 109–110 раб говорит уже не о ясновидческих, а о плутовских своих талантах. Еще труднее принять догадку Э. Сигала, согласно которой Псевдол уподобляет себя богу ветров Эолу (E. Segal. *Roman Laughter: The Comedy of Plautus* [Cambridge 1968] 133–134).

линии’’). Засвидетельствованная уже для времени Алкея (fr. 351, 2 Voigt), эта идиома связана с некоей разновидностью игры *πεττεία*, называвшейся ‘‘Пять линий’’ (*πέντε γραμμαί*); прилагательное *ἱερᾶς* подразумевает *γραμμῆς*, а artikelъ – существительное, обозначающее ‘‘шашку’’ (*τὸν πεττόν, κύκλον, λίθον* или *τὴν ψῆφον*). Как поясняет Поллукс (IX, 98), *τῶν δὲ πέντε τῶν ἐκατέρωθεν γραμμῶν μέση τις ἦν ἱερὰ καλούμενη γραμμή· καὶ ὁ τὸν ἐκεῖθεν κινῶν πεττὸν παροιμίαν κίνει τὸν ἀφ’ ἱερᾶς*.¹⁰

Сколько-нибудь убедительно реконструировать правила ‘‘Пяти линий’’, пусть даже в общих чертах, не представляется возможным: слишком скучны и противоречивы сообщения античных лексикографов.¹¹ Неясно, состояла ли цель игры в том, чтобы ‘‘запереть’’ шашки противника или занять их место на противоположной линии; зависел ли ход от броска игральной кости, как в нардах; наконец, в чем смысл выделения ‘‘священной линии’’. Как бы то ни было, нам известно, что ход от священной линии, т. е. шашкой, стоящей на ней (Г. Ламер объясняет выражение *τὸν ἀφ’ ἱερᾶς κινεῖν* как брахилогическое – из *τὸν ἐφ’ ἱερᾶς πεττὸν ἀπ’ αὐτῆς κινεῖν*)¹² знаменовал собой драматичный, решающий момент в игре и *обычно* делался ближе к ее концу. Соответствующее пояснение паремиографов (Apostol. IV, 55 = Diogenian. III, 36: *ἐν γὰρ τῇ πεττείᾳ ἔστι τις κύκλος καλούμενος ἱερός, ὃν κινοῦσιν ὕστατον*) иллюстрирует также ту существенную для нас деталь, что эпитет ‘‘священный’’ мог переноситься с линии на стоящую у этой линии шашку; тот же семантический переход засвидетель-

¹⁰ Помимо указанных ниже мест, см. также *Suda* α 4613 (= Epicharm. fr. 202 Kassel – Austin); κ 1642; τ 758 (= Men. fr. 205 Kassel – Austin); Hesych. α 8674; τ 1118; *Schol. ad Theocr.* 6, 18–19. Аргументы против сближения нашей поговорки с речением *πάντα λίθον κινεῖν* (Zenob. II, 24) см.: W. Bühler (ed., comm.). *Zenobii Athoi Proverbia* IV (Gottingae 1982) 194. От нее необходимо отличать и провербияльное употребление *ἡ ἱερό* (sc. *ἄγκυρα*) в смысле ‘‘последняя надежда’’ (см. LSJ s. v. *ἱερός* IV, 1): две идиомы смешиваются как в лексикографической (*Suda* κ 1642), так и в рукописной (*Plut. Cor.* 32, 1) традициях.

¹¹ Несмотря на важные археологические находки (см.: W. K. Pritchett. ‘‘Five lines’’ and *IG* I², 324 // *California Studies in Classical Antiquity* 1 [1968] 187–213), пессимистичный вердикт Р. Остина ‘‘the obscurity of all this evidence is impenetrable’’ (R. G. Austin. Greek Board Games // *Antiquity* 14 [1940] 268) был повторен шестьдесят лет спустя Л. Кёрком (L. Kurke. Ancient Greek Board Games and How to Play them // *CPh* 94 [1999] 257): ‘‘these accounts do not provide enough detail to reconstruct the game with any certainty’’. Библиографию вопроса см. *Ibid.*, п. 26; к работам, перечисленным у Кёрка, можно добавить богато иллюстрированную монографию Марко Фитта (1997), доступную нам в немецком переводе: M. Fittà. *Spiele und Spielzeug in der Antike: Unterhaltung und Vergnügen im Altertum*. Aus dem Ital. übers. von C. Homann (Stuttgart 1998) 157–158.

¹² H. Lamer. *Lusoria tabula* // *RE* 13 (1927) 1971.

ствован фрагментом “Аркесилая” Клеарха (fr. 11 Wehrli = *Schol. ad Plat. Leg.* V, 739 a): *κεῖται τις ψῆφος οὗν ἴερὰ καὶ ἀκίνητος, θεῶν νομιζομένη* (ср. практически идентичный текст *Plut. Prov. Alex.* I, 67 и, кроме того, *Suda* к 1642).

Обратимся теперь к значению поговорки. Согласно Евстафию (*ad II. p. 633, 57 sqq. [vol. II, p. 277 Van der Valk] = ad Od. p. 1397, 31 sqq.*),¹³ рискованный ход от священной линии делает проигрывающий игрок, идя ва-банк, когда все другие средства уже испробованы: *ῶν (sc. τῶν κυβευόντων) μία τις μέση γραμμὴ ώνομάζετο ἴερά, ἐπειδὴ ὁ ἥττωμενος ἐπ’ ἐσχάτην*¹⁴ *αὐτὴν ἔτο.* “Οθεν καὶ παροιμία ‘κινεῖν τὸν ἀφ’ ἴερᾶς’, ἐπὶ τῶν ἐν ἀπογνώσει δεομένων βοηθείας ἐσχάτης. С другой стороны, примеры использования идиомы у греческих писателей выдают картину более сложную. Значение “рисковать напоследок” может быть принято, да и то с оговорками, только для стиха *Theocr. 6, 18*,¹⁵ в других случаях ход от священной линии явно не подразумевает угрозы проигрыша и знаменует сокрушительный удар, наносимый в финале партии. Ср. *Plut. De soll. anim.* 975 a (один из участников диалога, доказывая тезис о том, что животные разумны, заканчивает доводом об их способности предсказывать волю богов в знамениях и гаданиях: “Чтобы речь, обретя венец, могла окончиться, давай, двинув шашку от священной линии, вкратце остановимся на их [животных] божественности и магических способностях”); *An seni resp. ger. sit* 783 b (те, кто исподволь уговаривают пожилых людей отойти от государственных дел, “под конец [т. е. когда все доводы, высказанные обиняками, исчерпаны], словно шашку от священной линии, выдвигают против нас саму нашу старость”). В другом пассаже того же автора ход *ἀφ’ ἴερᾶς* не связывается уже и с эндшпилем, так что выражение означает “выложить на стол главный козырь” (*Adv. Colot.* 1116 e: желая очернить Сократа, Колот в начале соответствующего раздела своего труда “сразу двигает шашку от священной линии”, заявляя, что история о данном Сократу оракуле сфальсифицирована его учениками). Аналогичным образом употребляется у Филона (всегда в неодобрительном контексте) сочетание *ἀφ’ ἴερᾶς ὅρχεσθαι* – означающее “сразу брать быка за рога”, “дерзновенно пускать вперед главные силы, оставляя себя без резерва” (*De somn.* II, 119; *Legat.* 22; 108); продолжая карточные аналогии, его можно перевести как “начать партию с хода козырным тузом”. Наконец, у Платона ход от

¹³ То же объяснение: *Clearch. fr. 11 Wehrli; Sueton. Περὶ παιδ. 1, 14 Taillardat* (источник Евстафия); *Apostol. IX, 80 = Diogenian. V, 41.*

¹⁴ Во временном значении (см.: J. Taillardat. *Suétone. Περὶ βλασφημιῶν. Περὶ παιδιῶν [Des termes injurieux. Des jeux grecs]: Extraits byzantins* [Paris 1967] 153).

¹⁵ A. S. F. Gow (ed., comm.). *Theocritus II* (Cambridge 1965) 122–123.

священной линии характеризуется просто как неожиданный, повергающий противника в раздумье – без каких-либо коннотаций, связанных с определенным моментом партии или же с риском (*Leg. V*, 739 а: ἡ δὴ τὸ μετὰ τοῦτο φορά, καθάπερ πεττῶν ἀφ' ἵεροῦ, τῆς τῶν νόμων κατασκευῆς, ἀγθῆς οὖσα, τάχ' ἀν θαυμάσαι τὸν ἀκούοντα τὸ πρώτον ποιήσειεν).

Ф. Х. Колсон, посвятивший нашему выражению краткую и точную заметку, резюмирует его значение так: “Шашка на священной линии была самой ценной <...>, и пойти ею означало пустить в ход главные силы; осторожный игрок прибережет их под конец. Иногда такой ход мог делаться для того, чтобы попытаться поправить безнадежную ситуацию, но сама фраза этого не подразумевает”.¹⁶ В развитие его вывода мы можем реконструировать историю идиомы следующим образом: 1) “рискованный ход, которым можно все проиграть, а можно и спастись” (рус. “идти ва-банк”); 2) (уже без мысли о риске) “решающий ход в конце игры, последний довод” (рус. “выложить главный козырь”); 3) (без мысли о финале партии) просто “решающий ход”, задействующий все ресурсы игрока. Именно это – как видим, наиболее распространенное – значение поговорки мы и предполагаем у Плавта. Стоит мне включиться в игру по-настоящему и двинуть в бой мои главные силы,¹⁷ говорит Псевдол, как противники приходят в смятение.

Несмотря на то, что беспредложный *ablativus separationis*, зависящий от приставочного *verbum movendi*, у Плавта засвидетельствован (*Merc.* 41: *atque animus studio amotus puerilist meus*),¹⁸ мы склонныожертвовать возможностью понимать *sacrā* как abl. sing. fem., подразумевающий *lineā*. По-видимому, сочетание *meā sacrā* отражает тот же переход от “шашки у священной линии” к “священной шашке”, который мы уже видели в греческих источниках. Генерализирующий средний род и множественное число связаны как с итеративностью (*soleo*), так и с метафорическим употреблением выражения: “мои священные шашки” (“мои ферзи, мои козырные тузы”) – это хитрости Псевдола.

Понятое таким образом, выражение *mea si commovi sacra* встанет в представительный ряд греческих поговорок, которые Плавт букв-

¹⁶ F. H. Colson. *Κινεῖν τὸν ἀφ' ἱερᾶς* // *CR* 56 (1942) 116. Именно Колсон, издатель и комментатор Филона, впервые привлек к дискуссии указанные выше места из этого писателя.

¹⁷ К употреблению *movere* в значении “делать ход шашкой” ср. Quint. *Inst.* XI, 2, 38: *Scaevola, in lusu <...> cum primum calculum promovisset essetque victus...*

¹⁸ Подробнее об этом управлении см.: W. M. Lindsay. *Syntax of Plautus* (Oxford 1907) 32.

вально переводит на латынь.¹⁹ Интересно, что, согласно выкладкам Дж. Н. Хоу, изучавшего статистику плавтовских грецизмов, *Псевдол* намного богаче греческими словами и выражениями, как заимствованными, так и калькированными, чем любая другая пьеса Плавта.²⁰

В своей монографии о *Псевдоле* Э. Лефевр, разбирая первую сцену комедии, видит в ней оригинальное создание Плавта, отошедшего от экспозиции греческого источника; на это указывают языковые каламбуры в эпизоде с письмом, инсценировка римского юридического обычая стипуляции, наконец, пародия на эдикт в стт. 125–128.²¹ Не касаясь рассуждений Лефевра по существу, отметим, что наше наблюдение о греческой генеалогии выражения *mea si commovi sacra* не может быть использовано против его теории. Хотя идиома *τὸν ἀφ' Ἱερᾶς κινεῖν* засвидетельствована для новой комедии и смежных ей жанров (Men. fr. 205 Kassel – Austin; Sophr. fr. 122 Kassel – Austin), однако уже Фр. Лео предупреждал, что кальки с греческого у Плавта вовсе не обязательно говорят о дословном переводе соответствующего места оригинала.²² Игры с пословицами, знакомыми аудитории не по Менандру, а по живой греческой речи, используются Плавтом как особый прием для достижения комического эффекта – который этот поэт умел ценить не только как средство, но и как цель.

В. В. Зельченко

Санкт-Петербургская классическая гимназия
Bibliotheca classica Petropolitana

L’expression *mea si commovi sacra* (Plaut. *Pseud.* 109), plutôt que faire référence au culte dionysiaque ou à une formule rituelle d’instauration, traduit le proverbe grec *τὸν ἀφ' Ἱερᾶς κινεῖν*.

¹⁹ Соответствующий материал был собран и проанализирован Фридрихом Лео (F. Leo. *Plautinische Forschungen: Zur Kritik und Geschichte der Komödie* [Berlin 1912] 101 ff.). В том же *Псевдоле*ср. *perfessor parietum* (стт. 979–980) = *τοιχωρύχος* или *verberavisti patrem ac matrem* (ст. 367) = *πατραλοίας καὶ μητραλοίας*. Наконец, в близком соседстве с нашим местом (ст. 123) и в идентичном контексте *Псевдол*, опять успокаивая Калидора, говорит: *De istac re in oculum utrumvis conquiescito. – Utrum? anne in aurem? – At hoc pervolgatumst minus.* Комментаторы давно обра-тили внимание на шутливое переинчавание греческой пословицы *ἐπ' ἀμφότερα καθεύδειν*, встречающейся, в частности, у Менандра (fr. 296, 1–2 Kassel – Austin).

²⁰ J. N. Hough. The Use of Greek Words by Plautus // *AJPh* 55 (1934) 358–359: Хоу насчитывает в комедии 70 таких примеров, включая шесть прямых вкрапле-ний греческого текста.

²¹ E. Lefèvre. *Plautus' Pseudolus* (Tübingen 1997) 24 ff.; 39 ff.

²² F. Leo. *Op. cit.* (выше прим. 19) 106.